

Мэрия даёт добро?

Как городские власти распоряжаются муниципальной собственностью

«Уважаемый губернатор! Уважаемый и. о. главы администрации г. Орла! Уважаемый депутат! Просим вас остановить произвол и навести порядок...» Это строки из письма жителей дома №16 по улице Машкарин, направленного главе региона А.П. Козлову, исполняющему обязанности мэра Орла В.В. Еремину и заместителю председателя Орловского горсовета М.В. Вдовину. Обратиться к власти жильцов дома заставили действия предпринимателей, получивших в частную собственность муниципальную землю.

Три года назад под окнами дома № 16 на ул. Машкарин высадился десант строителей. Люди в спецодеждах принялись разравнивать и асфальтировать прилегающий к дому земельный участок. На вопрос любопытных жильцов, что здесь собираются строить, рабочие отвечали коротко и четко: автостоянку.

Автостоянка жителям была ни к чему: дом №16 расположен возле проезжей части — маршрутки и прочий транспорт идут по улице Машкарин сплошным потоком, а иметь под собственными окнами еще и паркинг — это уже слишком, решили жильцы. И собрали сход. На встречу пригласили депутатов горсовета, представителей городской и районной администраций и той самой коммерческой структуры — ЗАО «МИТ», которая арендовала земельный участок на Машкарин и собиралась построить там автостоянку. Представитель ЗАО «МИТ» граждан успокоил: автостоянки не будет, будет детская площадка. То же самое подтвердили и городские власти. В ответ на обращение жильцы дома Л. Зевакиной в мэрию тогдашний мэр А. Касьянов сообщил следующее: в январе 2006 года ЗАО «МИТ» продирижировало пользование земельным участком на улице Машкарин для завершения строительства здания под размещение культурно-развлекательного центра для служебного отдыха (интересно, что такое «служебный отдых»? — Авт.), строительства трансформаторной подстанции и организации прилегающей территории с целью размещения автостоянки. Но после схода жителей дома было «выработано решение об изменении целевого назначения прилегающей к дому № 16 территории для последующей ее эксплуатации...» В результате вместо автостоянки на данном участке было решено разместить зону отдыха с детским кафе, зимним катком и детской площадкой.

И действительно в скором времени здесь появилась детская площадка с качелями-каруселями, ставшая практически единственным местом отдыха для детей и взрослых из окрестных домов. Зимой для местной детворы заливали каток.

Но идея длилась недолго: через некоторое время площадка перенесли, «отодвинув» в сторону находящегося по соседству детского сада. На ее месте предприниматели из ЗАО «МИТ» устроили, как пишут жильцы дома №16, «летнюю крытую пивнушку, и наши дети наблюдали, как взрослые дяди и тети пьют пиво на том месте, где они играли».

А теперь коммерсанты и вовсе поставили жильцов перед фактом: автостоянке быть! И никакие аргументы граждан в расчет не берутся. Потому что главным аргументом в этом споре жильцов с предпринимателями является «священное» право собственности.

Право собственности на муниципальную землю на улице Машкарин ЗАО «МИТ» приобрело в 2007 году. До этого времени — с 2002 года — участок находился у предпринимателей в аренде. Здесь они построили развлекательный комплекс, а затем подали заявку и выкупили земельный участок. В том, что орловские власти отдали коммерсантам городскую землю в собственность, в общем-то, нет ничего особенного — это обычная практика, органы местного самоуправления имеют полное право распоряжаться муниципальной землей. Другое дело, как эти самые органы земли распоряжаются. И вот здесь возникает ряд вопросов.

Вопросы, например, такие: почему в собственности частника оказалась земля, выделенная в соответствии с генеральным планом Орла под строительство детского сада? Почему земельный участок, сформиро-

ванный изначально для сдачи в аренду, а не для продажи, был продан в том же самом виде — без изменений (в его границы вошел, например, тротуар, который теоретически собственник может перекрыть, и пешеходы придется ходить по проезжей части) и без согласования с горсоветом? Почему в частной собственности оказалась часть придомовой территории, когда-то принадлежавшая жильцам дома №16 и переданная ЗАО «МИТ» с условием, что на ней будет построена детская площадка?

Не меньше вопросов вызывает и ситуация с другим участком земли все на той же улице Машкарин. Этот участок площадью 425 квадратных метров ЗАО «МИТ» получило в аренду совсем недавно — в феврале 2009 года — «для размещения здания для хранения оборудования детского городского сада» (надо полагать, той самой детской площадки, на месте которой сейчас собираются сделать автостоянку). И опять же в этом не было бы ничего удивительного, если бы на переданном в аренду участке не находилось здание, построенное полтора десятка лет назад ЖЭУ № 14, — когда-то здесь располагались мастерские. По каким-то неизвестным причинам это одноэтажное строение площадью около 150 квадратных метров не числится в реестре муницип-

альной собственности или в свое время было из него исключено. И фактически досталось ЗАО «МИТ» вместе с арендованной землей, что называется, в нагрузку, за просто так. При этом чиновники мэрии, оформлявшие документы на аренду, не удосужились выяснить, кому это здание принадлежит. Интересно, почему? Мало того, по нашим сведениям (хотят со стопроцентной уверенностью утверждать не беремся), здание бывших мастерских ЖЭУ теперь находится в собственности ЗАО «МИТ». То есть получается, что городская власть, давшая «добро» на аренду этого участка и «не заметившая» существование там здания, фактически подарила коммерсантам полторы сотни квадратных метров недвижимости? Бюджету деньги не нужны? Или ЗАО «МИТ» имеет какие-то особые заслуги перед горожанами (а может, перед мэрией?), чтобы делать ему такие «презенты»?

Ответа на эти вопросы пока нет. Но, возможно, скоро появятся. Потому что данной ситуацией заинтересовались депутаты городского Совета. И разослали запросы соответствующие федеральные и региональные органы власти, чтобы выяснить все подробности осуществления операций с муниципальной землей на улице Машкарин. И вполне возмож-

но, что после получения ответов последует обращение в прокуратуру с заявлением о проведении проверки законности данных операций.

Вопрос о ситуации, сложившейся на улице Машкарин, обсуждался и на выездном заседании территориальной депутатской группы Заводского района, где присутствовали и представители ЗАО «МИТ». К сожалению, прийти к консенсусу депутатам и предпринимателям не удалось. Коммерсанты считают (и не без оснований), что имеют право распоряжаться собственной землей по своему усмотрению. У депутатов мнение другое.

«Все земли, расположенные на территории муниципального образования «Город Орел» (за исключением тех, что находятся в областной и федеральной собственности), принадлежат населению Орла и должны использоваться в интересах жителей города, — говорит заместитель председателя горсовета М.В. Вдовин. — Я считаю, выделение этого земельного участка в аренду и последующее его приобретение в собственность было не в интересах жителей Орла, а в интересах коммерческой структуры. Хотя хочу подчеркнуть: интересы коммерческих структур мы тоже должны уважать... Но ведь и бизнес должен нести социальную ответственность. Сейчас эта земля находится в собственности. И, наверное, предприниматель имеет право сказать: да, мы разместим там автостоянку. Но это будет неправильно: необходимо учитывать мнение жителей. Есть вполне легитимный вариант: собраться вместе с жителями и сказать им: у нас есть проблема, давайте решим ее вместе... Как бы то ни было, данная проблема должна решаться в строгом соответствии с законодательством. Но помимо этого еще раз хочу подчеркнуть: должна быть социальная ответственность бизнеса...»

Мы согласны с Михаилом Васильевичем: социальная ответственность должна быть. Но вот беда: бизнес-структуры ее нести вовсе не обязаны — российский законодательством это не предусмотрено. А вот право частной собственности охраняется законом.

Так что пока жителям дома № 16, под чьими окнами, вполне возможно, вместо детской площадки вот-вот появится автостоянка, остается надеяться лишь на добрую волю предпринимателей, получивших в собственность муниципальную землю. На то, что они, воспользовавшись своим правом распоряжаться собственностью по своему усмотрению, не станут этим правом злоупотреблять. Только этим правом злоупотребляют. Только оправдаются ли эти надежды?

Татьяна ФИЛЁВА.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Река Зуша — единственное препятствие на пути из мценской деревушки Марс к автомобильной трассе, связывающей это удаленное местечко с «большой землей». Старый подземный мост через речку смыло паводком еще весной. Где-то решили бы: так тому и быть, ни к чему лишние траты, ведь в деревне и жителей почти не осталось. Только одна семья, да еще летом сюда приезжают дачники из Тульской области.

Но администрациями Мценского района и Карандаковского сельского поселения было принято решение о строительстве нового добротного подземного моста. На эти цели из двух бюджетов было выделено 40 тыс. рублей.

Дорога на Марс

— В обход до трассы — 15 километров, а через мост — всего три, — рассказывает первый заместитель главы администрации района Алексей Вячеславович Сальков. — Мы не могли допустить, чтобы жители Марса оказались практически отрезанными от транспортного развязки. Мост капитально укреплен, так что теперь никакой паводок ему не страшен.

До некоторого времени деревня Марс была, как и многие другие, густонаселенной, жила своей размеренной жизнью. Жители Карандаковского сельского поселения вспоминают, что необычное ее название появилось случайно. Когда-то представитель из района на общем собрании пошутил: «Вы здесь живете, как на Марсе». И спустя более полувек эти слова оказались пророческими: деревня почти опустела. Тем не менее районная власть не спешит зачислять ее в список неперспективных. Единственная семья числится как постоянно проживающая. Наумовы держат большое хозяйство, выращивают картофель, овощи — это основной источник их дохода. Семья большая, поэтому есть шанс, что молодое ее поколение не покинет родных мест в поисках лучшей доли на чужой стороне.

...Места здесь живописные. Деревня находится на веселом пригорке, а Зуша, с ее чистой водой, — в окружении склонов, «раскрашенных» яркими цветами осени. И отродна, что среди всей этой красоты живут люди, которые не променяли ее ни на что другое. Радует, что и местная власть не забывает такие семьи, а

как может поддерживать, не ссылаясь на недостаток средств.

Не так давно наша газета писала о проблемах с обеспечением питьевой водой, которые испытывали жители одной из деревень Дмитровского района. Местных жителей там единицы, большинство домов и участков стали дачными. Похожая ситуация. Только вот жителям Дмитровской деревни пришлось обходиться без воды целый год и обращаться за помощью в разные инстанции. Видимо, для дмитровских властей, не торопившихся решать эту проблему, решающим аргументом в споре быть воде или не быть являлось именно малое количество постоянно проживающих в деревне людей. К сожалению, для них разговор о «всеобщем счастье» оказывался куда важнее, чем забота о конкретных людях.

Наталья ЗАРУБИНА.
Мценский район.
Фото Андрея САСИНА.

Тем, кто идет в театр с установкой «сделайте мне красиво», на этот спектакль лучше не ходить. А впрочем... Спектакль переворачивает душу, и, может быть, иной любитель гламура очнется от привычных жизненных стереотипов прямо в театральном кресле: проснется в нем душа, прольются горячими слезами, омоет покрытые пеленой глаза, и он прозреет, он увидит...

Смотрящий да увидит

(Театр «Свободное пространство», спектакль «Белое на черном», режиссёр-постановщик Геннадий Тростянецкий.)

Справка: Рубен Давид Гонсалес Гальего родился в России в 1967 году с диагнозом ДЦП. Его матери, дочери лидера компартии Испании, проживавшей в то время в Москве, сказали, что ребенок умер. Аурора через несколько лет вышла замуж за русского писателя и уехала из СССР. А ребенок вырос — он вырос в специнтернатах. В 2000 году литовская киногруппа, снимавшая о Гальего документальный фильм, помогла ему встретиться с матерью. Сейчас писатель живет в Вашингтоне. Книга «Белое на черном» в России была впервые опубликована в журнале «Иностранная литература» в 2002 году, получила литературную премию «Русский Букер».

сострадать прежде всего тому, кто незачищен — вдовам, сиротам, нищим и калекам. «Люби ближнего как самого себя» — вот такое напоминание о заветном в Евангелии, живое, трепетное, конкретное — дает нам в своей книге писатель Гальего.

Русский, подчеркнул, писатель («Кто вы», — спросили у него, — испанец, пишущий по-русски?») «Я русский», — ответил он), на русском материале. Поэтому этот труд милосердия особенно чувствителен для нас, «Гомо Советику» — осо-

бой породы людей, в течение почти целого века отлученных от христианской морали, возросших на атеистической, антихристианской идеологии советских времен. Об этом обстоятельстве Гальего в своей книге не говорит прямо, в лоб, но одним, казалось бы, незначительным, сказанным вскользь замечанием: «Хорошие нянечки были верующими. Все... Верить было запрещено. Нам говорили, что Бога нет. Атеизм был нормой. Сейчас это кажется неправдоподобным, но так было... На веру нянечек просто закрывали глаза. И они верили. Верили, несмотря ни на что. Они долго молились во время ночных дежурств, закивая принесенную с собой свечку. Они крестили нас на ночь. На Пасху они приносили нам красные яйца и блины. Приносили продукты в детдом было запрещено, но что могло поделять строгое начальство с неграмотными женщинами?».

А вот отрывок из монолога доброй нянечки: «Я имена всех детей, за кем ухаживала, на бумажку выписывала. У меня тогда тетрадка есть, так я туда всех вас записывала. И за каждую свечку ставлю. Много свечек уже получается, дорого, но я все равно за каждую ставлю и за каждого Отца наш читаю. Потому что за всех невинных детей Господь велел молиться».

«Спасибо всем добрым нянечкам, — признается в своей исповедальной книге Гальего, — за то, что научили меня доброте, за то тепло в душе, что я пронес через все испытания. Спасибо за то, что не выразить словами, не просчитать на компьютере и не измерить. Спасибо за любовь и христианское милосердие».

О СПЕКТАКЛЕ

Христианский мотив книги режиссер-постановщик Геннадий Тростянецкий (на снимке справа) тоже не старается особенно подчеркивать. Во всяком случае, на протяжении спектакля. Но то обстоятельство, что монолог доброй нянечки (процитированный выше), в книге затерявшийся среди множества маленьких новелл где-то в середине, Тростянецкий выносит в финал спектакля, говорит само за себя — постановщик подводит черту, выделяя самое важное. Да и отдает он этой решающей монологу своей самой любимой актрисе — Елене Крайней, доверяя доступному только ей одной умению тихими интонациями до стучаться даже до «глухих и слепых». И слушающий услышал, и смотрящий — увидел. Одета не в сценический, в обычный костюм (но в белое), горящая не от лица своей героини, а от себя лично, даже не поднимаясь на сцену, на одном уровне со зрителем, она воспринималась не как актриса, а как доверительный собеседник, и эта намеренная отстраненность от театральности была сильнее любого, даже самого искусного, лицедейства. Каждому в зале показало, что монолог обращен персонально к нему. И когда по заданию сцены, сверху, стали

медленно опускаться, как разворачивающийся свиток, наклеенные на казавшееся бесконечным черное полотно где-то в середине, Тростянецкий выносит в финал спектакля, говорит само за себя — постановщик подводит черту, выделяя самое важное. Да и отдает он этой решающей монологу своей самой любимой актрисе — Елене Крайней, доверяя доступному только ей одной умению тихими интонациями до стучаться даже до «глухих и слепых». И слушающий услышал, и смотрящий — увидел. Одета не в сценический, в обычный костюм (но в белое), горящая не от лица своей героини, а от себя лично, даже не поднимаясь на сцену, на одном уровне со зрителем, она воспринималась не как актриса, а как доверительный собеседник, и эта намеренная отстраненность от театральности была сильнее любого, даже самого искусного, лицедейства. Каждому в зале показало, что монолог обращен персонально к нему. И когда по заданию сцены, сверху, стали

описанием ужасов жизни интеллигентов для инвалидов... Да и упряжиться в сценических эффектах на таком материале тоже не к чему. Есть тексты, которые не к лицу художественной украшению, не нужны постановочные приемы и даже декорации, потому что они абсолютно самостоятельны. «Белое на черном» — именно такой текст.

Удивительно, но Тростянецкий не побоялся сделать именно с точностью до наоборот. Он сделал, казалось, невыполнимое. Актёры в его спектакле именно «ползают на животе по сцене, изображая полупарализованных калеков». Но при этом ни постановочные приемы режиссера, ни декорации Дарьи Белой, ни даже... танцы (!) актёров, изображающих калеков (хореограф Светлана Шекетина), ни появление желто-солнечного клоуна не только не снижают эмоциональную остроту текста Гальего, но, напротив, игравая, подчеркнуто театральная природа спектакля делает знакомый текст более выразительным, сюжетные линии — более отчетливыми, персонажи за счет актерских находок становятся полнокровнее и по-житейски понятнее.

Посмотрите, как будто говорят нам актёры, они — калеки, но они — такие же, как и мы: они любят, они дружат, они взрослеют, самоутверждаются, они чувствуют боль, холод и голод так же, как и мы; они полнокровны, и возможности их, на самом деле, безграничны — лишь бы была в их жизни вера, надежда, любовь. Но любовь все же больше.

Вот выходит на авансцену красивые, сильные, стройные юноши — строгое черное трико подчеркивает их старость. Пос-

мотрите — это ты сам. С той лишь небольшой разницей, что — хлоп по колену! — у одного нет ноги, или у другого — хлоп по кисти! — нет руки... Только поддержит его, и он выживет в этом жестоком мире, встанет в строй рядом с тобой. Полобит его — как самого себя. Не отгораживайся...

Мир маленьких инвалидов, спрятанных в стенах специализированного заведения, на сцене отгорожен от остального мира высокой стеной, из-за которой не видно неба. Стеной, покрытой мертвенно-белой холодной плиткой, — как в море. Плитка кругом, ничего живого — ни травинки, ни былинки. И только иногда где-то в углу внезапно распахивается маленькая дверь в другой мир — сияющий, теплый, цветной, разнообразный — мир, где живут другие. Другие, не такие... Янни, учителя, шефы, захавшие на время чьи-то мамы... — осколки того, недоступного для одинокого и хедающего, мира. И от того, живая у них душа или нет, зависит, выживут эти беззастенчивые существа или нет. И только буквы — черные на белом, цветные на белом — маленькие калекки неуклюже выводят их большими кистями на выложенной плиткой стене; корявые, эти буквы понятны не всем — но они вызывают к тем, кто способен любить; спасите наши души! Как SOS, как хоругвь, напоминающая о христианском милосердии к беспомощным, воспринимается в этом контексте даже вывешенные на шпалере... красные трусы лежащего инвалида: ведь от того, будут их мять или нет, зависит его жизнь...

Пожалуй, самые жуткие ощущения во время спектакля вызывает... музыка (музыкальное оформление Ольги Селиной). Никогда бы не подумала, что невинное «Балеро» Равеля способно навести такую жуть. Вернее, устрашающий эффект вызывает не сама музыка, а пропетый под нее текст инструкции по содержанию интерна-товских больных... Хорошие, гуманные инструкции. Но после того, как мы увидели, что было там на самом деле...

...А если вдуматься, не менее страшно звучит бы под нее текст Всеобщей декларации прав человека. Ведь, по большому счету, все мы в каком-то смысле — инвалиды. С ограниченными возможностями.

Татьяна ПАВЛОВА.
Фото Марины КУЛИКОВОЙ.